9 класс

Аналитическое задание. Участнику олимпиады предлагается провести целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического. Выбор типа текста – право ученика.

Поэзия: Выполните целостный анализ стихотворения Давида Самойлова «Подставь ладонь под снегопад», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: изобразительные приемы и средства, при помощи которых созданы центральный образ и картина зимы, соотнесение мира природы и мира человека, сочетание свойств пейзажной лирики и лирики мысли, особенности строфической и синтаксической структуры текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

Подставь ладонь под снегопад,
Под искры, под кристаллы.
Они мгновенно закипят,
Как плавкие металлы.

Они растают, потекут
По линиям руки.
И станут линии руки
Изгибами реки.

Другие линии руки
Пролягут как границы,
И я увижу городки,
Дороги и столицы.

Моя рука как материк -
Он прочен, изначален.
И кто-нибудь на нем велик,
А кто-нибудь печален.

А кто-нибудь идет домой,
А кто-то едет в гости.
А кто-то, как всегда зимой,
Снег собирает в горсти.

Как ты просторен и широк,
Мирок на пятерне.
Я для тебя, наверно, бог,
И ты послушен мне.

Я берегу твоих людей,
Храню твою удачу.
И малый мир руки моей
Я в рукавичку прячу.

1999

Проза: Выполните целостный анализ произведения Юрия Олеши «Иволга». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы/поэтики: жанр произведения, особенности диалогов, особенности повествовательной структуры (на чью точку зрения сориентировано повествование), особенности внешнего облика персонажей и их речевого портрета. Попробуйте выявить идею произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Юрий Карлович Олеша

Иволга

Вдруг раздался голос птицы, заставивший меня остановиться. Я сбегала по тропинке и остановилась посреди кустов, которые были выше меня ростом, так что Порфирий Антоныч не мог меня увидеть.

– Где ты?

– Я тут.

– Где?

Я подняла руку с кувшином, сама удивившись тому, как он блеснул. Порфирия Антоныча я покинула у порога избушки, и, как видно, там он и услышал это пение. Теперь он бежал ко мне, придерживая очки.

– Ты слышала?

– Да!

– Что это, а? Опять… Слышишь?

Птица повторяла колено. Порфирий Антоныч, блестя очками, смотрел в чащу дерева. Певчие птицы такие маленькие, что их нельзя увидеть, хотя иногда и кажется, что видишь вертящуюся во все стороны головку.

– Это поразительно! На что похоже? А? На что? Тише…

Она опять запела, и это было похоже на то, как будто в листве покачивался маленький челнок. Тут был и звук пустоты, и звук ветра, и звук дерева.

– Что же это за птица?

– Не знаю!

– То, что ты не знаешь, это ничего, а вот что я, старик…

Пение раздалось в другом месте. Теперь уже внизу, куда сбегала тропинка.

– Перелетела или это другая?

Она запела еще дальше.

– Перелетела!

Еще дальше. Там плыла румяная в лучах солнца сосна. Кажется, что они плывут, но это плывут облака.

– А в школе считалось, что я все знаю! Помнишь? «Порфирий Антоныч все знает». А я даже не знал, какие у нас поют птицы! Правда, когда человек всю жизнь прожил в городе… Да, но ты бежала за водой!

Порфирий Антоныч посмотрел на меня округлившимися глазами, как он делал это в школе, когда сердился:

– Беги!

И я побежала. Еще несколько раз слышалось пение, и я оглядывалась на Порфирия Антоныча. Он мне кивал, давая понять, что тоже слушает, а когда я оглянулась в последний раз, то увидела, что Порфирий Антоныч снял очки и вытирает глаза платком.

Я не видела, как они появились. Когда я вернулась с наполненным кувшином, они уже стояли возле избушки. Восемь бойцов, как я потом подсчитала.

В первую минуту я даже подумала, что это игра света. Солнечные пятна двигались по их плечам и каскам, но я решила, что это моя страстная мечта дорисовывает эти плечи и каски и что на самом деле ничего нет передо мной, кроме кустов и солнечного света. Я знала, что Красная Армия отступает с боями, но при слове «отступление» трудно было не подумать о расставании надолго. Могла ли я допустить, что вдруг увижу наших бойцов? Все ликовало во мне, и с тем большей горечью я ожидала, что видение исчезнет.

Я разняла кусты и шагнула. Порфирий Антоныч что-то сказал мне, чего я не услышала, и протянул руку. Я поняла, что нужно отдать кувшин, и отдала. Много голубых глаз посмотрело в мою сторону. И мне показалось, что они смотрят сквозь дым. Я не знала, что они выдержали несколько боев, так как вырвались из окружения, но я видела, что они смотрят сквозь дым…

Как ведет себя девочка в порыве радости? Она всплескивает руками, подпрыгивает… Вероятно, я все это и проделала бы, если бы Порфирий Антоныч сразу не взял меня за руку и не притянул к себе:

– Стой смирно!

Может быть, он и не произнес этого, но я замерла, почти приникнув к нему. Моя рука осталась в его руке, и он вместе со своей рукой поднял и мою и остановил на ремне возле сердца.

По этому движению я поняла, что я должна смотреть на что-то, на что сейчас смотрит и он. И только когда кувшин, который переходил из рук в руки, остановился в ладонях одного из бойцов и этот боец, став на колено, нагнулся над травой, я увидела то, на что смотрел Порфирий Антоныч: под деревом лежал девятый боец.

– Пулеметчик, – прошептал Порфирий Антоныч. – Рука, видишь?

Рука раненого лежала на груди, и это была рука черная, как рука рабочего, в масле, блестящая от масла. Как видно, этот пулеметчик хорошо поработал…

Так вот для кого я набирала воду! Но как трудно было этой доброй и веселой воде, вокруг которой только что летали бабочки, делать свое простое дело! Раненый ловил струю, но она проливалась… Я почувствовала, как пальцы Порфирия Антоныча сжали мою руку. Это был мой учитель, который всегда хотел, чтобы я понимала смысл того, что я вижу. И теперь он как бы спрашивал меня: понимаю ли я? В ответ я прижалась к его локтю, и Порфирий Антоныч, наверное, почувствовал, что я киваю головой. Да, я поняла… Я поняла, что перед лицом страданий солдата не велика цена жалости. Мало только жалеть его. Еще нужна клятва! Еще нужно поклясться ему, что и ты, если это понадобится, не станешь щадить своей жизни!

– Балашев, – сказал вдруг тот, который поил, – гляди… А! Гляди, что в лесах творится! И стар и мал… Гляди, девочка в партизанах! А? И старик!

– Мы… мы только сторожим избушку, – сказал Порфирий Антоныч. – Явочное место, и мы…

Порфирий Антоныч даже развел руками:

– Скажи, что мы только сторожим избушку!

И я сказала, что мы только сторожим избушку. Но те двое не слушали. Раненый смотрел на нас, улыбаясь, а товарищ его радовался, что он улыбается. И чтобы улыбка эта не исчезала, он стал хохотать.

– Гляди, гранаты! У старика-то… А? Граната! А девочка… Гляди! А?

У меня не было гранат, я была обыкновенная девочка в юбке и в кофте, в которой ходила в школу, но ему уже казалось, что и мой вид отличается чем-то воинственным.

– А, Балашев? Нет, ты гляди… Девочка, а? Ну, брат, мы тебя на таких людей оставляем, что… – он потряс кулаком. – Верно, товарищ старшина?

– Пошли, – сказал тот, кого назвали старшиной.

Он шагнул к раненому, как видно для того, чтобы попрощаться.

– Балашев, – начал он и вдруг позвал вполголоса, как зовут спящего: – Балашев!

Я не видела, что происходит под деревом, потому что огромная фигура старшины стояла впереди меня. Я только видела руку раненого, которая лежала теперь в траве, ладонью вверх.

– Балашев! – позвал старшина еще тише.

Рука поднялась над травой, и старшина, гремя плащом, ринулся к ней. Теперь я могла увидеть раненого, но я закрыла глаза: я испугалась, что увижу картину смерти.

– Во как поет, – сказал раненый. – Во как…

Я открыла глаза и встретилась с его взглядом. Этот взгляд вернулся с вершин деревьев, где только что пропела птица, и теперь улыбался мне.

– Иволга, – произнес раненый с нежностью.

Он опять стал смотреть вдаль. Птица перестала петь, а он все смотрел, все смотрел, все смотрел.

1947

Творческое задание.

Напишите сочинение на тему: Содержание экскурсии в вымышленную страну литературных героев (речь экскурсовода). Состав персонажей, населяющих «страну», и экскурсантов определяет ученик.